

Ван Дянь ощутил под пальцами едва заметные рубцы. Лицо Лян Е было так близко, будто он сам подставлял свою шею к губам Ван Дяня, вынуждая того смущенно отвести взгляд.

Этот безумец совершенно не ведал, что такое личные границы.

Лян Е, крайне недовольный таким сопротивлением, схватил его за подбородок и насильно повернул лицо обратно, пророкотав:

— Я позволил тебе укусить меня еще раз, ты не расслышал?

Ван Дянь нахмурился:

— Ты проголодался, почему же должен кусать тебя я?

Лян Е на мгновение опешил, а затем нетерпеливо бросил:

— Откуда столько вопросов? Тебе достаточно просто слушаться меня.

Ван Дянь пристально посмотрел на него, а затем неожиданно положил свободную руку ему на поясницу. Лян Е тут же хотел было оттолкнуть эту руку, но она скользнула вверх по спине и легла на затылок, слегка надавив, заставляя его склонить голову.

— Ты что, жить надоело? — недовольно процедил Лян Е.

Ван Дянь укусил его за шею.

Назвать это укусом было сложно: Ван Дянь не прикладывал силы. Лян Е больше ощущал мягкость его губ, жар и едва уловимое дыхание.

Ван Дянь скорее облизывал его, но делал это как-то иначе.

Боли не было, и это вызывало у Лян Е недовольство. Однако эти странные, щекочущие, но при этом настойчивые покусывания были необычными, но отнюдь не неприятными — ему даже стало как-то уютно.

Он прижался к Ван Дяню, прищулив глаза, но вдруг оказался повержен: Ван Дянь ловко подсек его за поясницу и перевернул, оказавшись сверху. Лян Е мгновенно насторожился и вцепился Ван Дяню в горло:

— Дерзость.

Хотя голос его звучал лениво, и особого гнева в нем не чувствовалось.

Ван Дянь спокойно указал на его шею:

— Больше не будешь кусаться?

Лян Е отпустил его, вытер шею рукавом и брезгливо заметил:

— Весь в слюнях меня извозил. Даже кусаться не умеешь, зачем ты такой нужен.

Ван Дянь взглянул на след от укуса, который сам же и оставил, и смиренно принял критику:

— Тебе было неприятно?

Лян Е явно не хотел отвечать на этот вопрос. Он с силой обхватил его за талию и перекатил в сторону:

— Отвали от меня.

Ван Дянь с любопытством посмотрел на него, а затем с удовольствием укатился в самый край широкой кровати. Несмотря на то, что целовать шею Лян Е было до странного волнительно, сонливость взяла свое, и веки начали тяжелеть.

Когда он уже почти провалился в сон, кто-то обнял его со спины — все та же привычная хватка медведя, обнимающего бревно. Он попытался открыть глаза, но не смог и решил оставить все как есть.

К несчастью, Лян Е не умел сидеть тихо. Во сне Ван Дянь почувствовал, как кто-то целует его, причем весьма настойчиво, а вокруг словно появилась раскаленная печь, от которой он весь взмок.

С трудом открыв глаза, он обнаружил, что сон стал реальностью: этот безумец Лян Е крепко обнимал его со спины и, подражая ему, целовал в шею.

— Лян Е... ты что творишь? — Ван Дянь попытался повернуться, но его держали намертво.

Лян Е невнятно пробормотал что-то и прижался губами к тонкой коже за ухом. Ван Дянь вздрогнул и сухо произнес:

— Тебе не обязательно меня кусать.

Лян Е тихо рассмеялся, прижавшись к его уху:

— Ван Дянь, ты думаешь, меня так легко провести? Неужели не отличаешь укус от поцелуя, а?

Черт возьми, он знал... Ван Дянь решил, что его собственный мозг окончательно заржавел, раз он считал этого идиота Лян Е неспособным на такие мысли.

— Хотя я и не питаю слабости к мужскому полу, но не могу позволить тебе безнаказанно меня лапать, — Лян Е прикусил его мочку. — В этот раз я отыгрался, но если еще раз посмеешь проявить ко мне неуважение — убью.

Ван Дянь с грустью осознал, что у него уже вырабатывается иммунитет к угрозам Лян Е. Он не только не испугался, но и решил испытать судьбу:

— Ты все еще голоден?

Лян Е за его спиной на мгновение странно замолчал.

Ван Дянь закрыл глаза:

— Не волнуйся, я тоже не питаю слабости к мужскому полу. Спи давай.

Хотя он так и не смог найти причину, по которой сам целовал Лян Е, но плевать — будем считать, что он просто дважды поцеловал сам себя.

Лян Е потерся кончиком носа о его затылок, и его дыхание постепенно выровнялось.

Однако Ван Дяню не спалось:

— Лян Е, сколько чаш отвара Бай Юй ты выпил в прошлом месяце?

Лян Е нахмурился, раздраженный тем, что его беспокоят, но все же ответил:

— Забыл.

— Ты вообще помнишь, кто я такой? — снова спросил Ван Дянь.

Лян Е обнял его еще крепче:

— Ты такой надоедливый.

— Ты забыл все или у тебя остались хоть какие-то воспоминания? Если этот отвар обладает столь странным действием, зачем ты его пьешь... — Ммм.

Лян Е зажал ему рот рукой.

— Еще слово — и я вырежу тебе язык, — нетерпеливо добавил он, закидывая ногу на ногу Ван Дяня. — Спи.

Ван Дянь не помнил, когда именно уснул, помнил лишь, что перед сном Лян Е снова поцеловал его в шею.

Псих.

На следующее утро Лян Е уже и след простыл.

Когда Ван Дянь умывался, Юнь Фу, держа в руках влажное полотенце, несколько раз покосился на его шею, явно желая что-то сказать, но не решаясь. Стоявшие рядом служанки покраснели и опустили глаза, в комнате воцарилась странная атмосфера.

Ван Дянь по привычке вытер шею полотенцем и тут же поморщился от боли — он вспомнил, какую чушь они с Лян Е творили прошлой ночью, и в висках запульсировало.

Он, должно быть, сошел с ума, раз решил целовать шею Лян Е, а еще более нелепо то, что этот идиот в ответ поцеловал его точно так же...

Вероятно, Лян Е слишком часто твердил, что от его шеи исходит приятный аромат, вот он и решил отомстить.

Ван Дянь с силой потер переносицу и приказал Юнь Фу:

— Принеси мне парадный наряд с высоким воротником.

— Слушаюсь. — Юнь Фу просиял и, решив, что у императора сегодня хорошее настроение, осмелился спросить: — Не знаю, кого из служанок вы изволили осчастливить прошлой ночью, прикажете ли пожаловать ей титул?

Ван Дянь холодно посмотрел на него.

Юнь Фу в испуге рухнул на колени и начал бить себя по щекам:

— Раб заслуживает смерти! Раб болтлив! Раб болтлив!

Остальные слуги тоже повалились на колени, дрожа от страха.

— Если я услышу хоть слово сплетен за пределами этой комнаты, никто из вас не выживет, понятно? — Ван Дянь смотрел на них с каменным лицом.

— Понятно... понятно... — закивали они, ударяясь лбами об пол.

Ван Дянь нахмурился:

— Все, убирайтесь.

Слуги потянулись к выходу, лишь Юнь Фу остался, чтобы осторожно помочь ему одеться.

Утреннее заседание проходило, как обычно, шумно, но, возможно, из-за возвращения Лян Е, Ван Дянь чувствовал, что собрались все.

— Ваше Величество, через пять дней состоится церемония жертвоприношения предкам. По ритуалу вы должны совершать ее вместе с императрицей, но место императрицы пустует. Когда народ увидит это, отсутствие должных обрядов... — Чиновник из Министерства ритуалов выглядел совершенно подавленным. — Если Ваше Величество будет совершать жертвоприношение в одиночку, времени не хватит.

— Разве вы, господа из Министерства, еще недавно не клялись, что все будет в порядке? — возмутился другой чиновник. — Осталось всего пять дней, и вдруг времени не хватает! Вы что, хотите, чтобы император за пять дней нашел себе императрицу?!

— Не смею! — чиновник ударился лбом об пол. — Но если изменить ритуал, боюсь, не избежать пересудов по всей Поднебесной, Ваше Величество!

Ван Дянь взглянул на него. Этот человек был в списке приближенных к императрице-матери, явно присланный, чтобы вставлять палки в колеса.

— О? И что же, по-твоему, нам делать?

— Осмелюсь предложить: после жертвоприношения Ваше Величество может прочитать... покаянный указ.

Как только эти слова прозвучали, чиновники дружно опустились на колени. В зале воцарилась гробовая тишина.

Ван Дянь сидел на троне, и по его лицу невозможно было понять, что он чувствует. Лишь спустя долгое время он усмехнулся:

— Что, все уважаемые господа так считают?

— Не смеем! — хором отозвались они.

— Не смеете? А чего вы еще не смеете? — Ван Дянь смотрел на толпу внизу, и внутри него вдруг закипела ярость.

На самом деле, покаянный указ для него не был чем-то серьезным — просто император пишет записку с извинениями, признавая свои ошибки перед народом. Обычно это случалось во время стихийных бедствий, затмений или иных явлений, которые нельзя было объяснить наукой.

Лян Е был своенравным и бестолковым, но Ван Дянь с трудом представлял его читающим покаянный указ.

Если бы на его месте сейчас сидел Лян Е, он бы наверняка взбесился. Покаяние — это ерунда, но то, что Цуй Юйсянь заставляет его признать вину, было отвратительно.

Читать покаянный указ во время церемонии — это значит позволить вытереть о себя ноги.

Вэнь Цзун слегка кивнул ему.

Ван Дянь сделал вид, что не заметил, и холодно произнес:

— В таком случае стойте здесь и думайте. Пока не придумаете решение — заседание не закончится.

В зале воцарилась тишина.

Ван Дянь не двигался, равнодушно наблюдая за ними.

— Юнь Фу, принеси стул. Господин Вэнь уже стар, пусть присядет.

Время шло, солнце поднималось все выше, но Ван Дянь оставался неподвижен, и чиновники не смели шелохнуться. Несколько человек пытались предложить решения, но Ван Дянь все отвергал.

Наконец, самый младший чиновник, стоявший в конце, на коленях прополз вперед:

— Ваше Величество, осмелюсь предложить. При покойном императоре в ста пятидесяти ли от столицы, на горе Шицзай, был построен дворец, а на вершине — храм Тайцзи, где хранится поминальная табличка императора. Ваше Величество может сначала отправиться туда, чтобы вознести молитвы, а затем вернуться к жертвоприношению под столицей. Даже если это будет позже, никто не посмеет упрекнуть вас в нарушении ритуала.

— Предложение Вэнь Юя весьма разумно. — Ван Дянь хлопнул по подлокотнику. — Так и сделаем. Займись этим.

— Заседание окончено! — провозгласил Юнь Фу.

Вэнь Юй замер, не ожидая, что император запомнит его имя, и просиял:

— Слушаюсь!

В зале начался переполох.

Но Ван Дяня это уже не касалось. Он просидел неподвижно все утро, поясица ныла, и, отослав Юнь Фу и остальных, он без сил рухнул на кушетку.

— Я думал, ты согласишься, — раздался голос Лян Е, непонятно откуда взявшийся.

Ван Дянь холодно фыркнул:

— Цуй Юйсянь ведет свою игру. Если бы я действительно прочел покаянный указ, она бы воспользовалась этим, чтобы прибрать власть к рукам.

— Почему бы не сыграть по ее правилам? — спросил Лян Е.

Ван Дянь нахмурился:

— Лучше выманить змею из норы. К тому же, разве чтение покаянного указа — это великая честь?

Голос Лян Е внезапно стал совсем близко:

— Я хочу тебя поцеловать.

Ван Дянь подавился собственной слюной.

<http://bllate.org/book/21737/2247143>